

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

къ

ЖУРНАЛУ „НИВА“

на

1902 г.

за

Сентябрь, Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

P Slav 490.5 (1902)
3

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 26 1958

5882

Дозволено цензурою. 4 декабря 1902 г. СПб.

Оглавление.

	стр.		стр.
«Вечерняя звѣзда горитъ во мглѣ».		Фотографія электричества. Очеркъ	
Стих. <i>В. Баикина</i> .	103	<i>Е. Лидова</i> . (Съ 11 рис. и портр.).	297
Вечеръ въ роцѣ. Стих. <i>К. Фофанова</i> .	659	Цвѣты и исторія челоѣчества. Очеркъ	
Виноградарство въ Туркестанскомъ краѣ.		<i>Н. Ѳ. Золотниковаго</i> .	473
Очеркъ <i>А. Коробова</i> .	669	Что я сѣю? (Изъ Маріи Конопницкой).	
Городъ Таганрогъ. Очеркъ <i>В. Я. Септлова</i> .	61	Стих. <i>Мих. Гербановскаго</i> .	32
(Съ 8 рис.)		Что новаго въ литературѣ? Критиче-	
Демократія и наука. Очеркъ <i>Б. П. Ни-</i>		скіе очерки <i>Р. И. Сементковскаго</i> .	
<i>конова</i> .	105	<i>О пересмотрѣ всѣхъ крестьян-</i>	
Домъ въ розахъ. Разсказъ <i>Т. Л. Щеп-</i>		<i>скихъ узаконеній</i> .— <i>Книги г. Никол-</i>	
<i>киной-Куперникъ</i> .	385	<i>скаго и графа Беннигсена</i> .— <i>Теорія</i>	
Елкой пахнетъ. Очеркъ <i>Ю. Штинде</i> .	661	<i>и практика</i> .— <i>Общинное и подвор-</i>	
За Джованнино или смерть. Разсказъ		<i>ное землевладѣніе</i> .— <i>Царство Поль-</i>	
<i>Матильды Серао</i> .	683	<i>ское и центральная Россія</i> .— <i>Блага</i>	
Звукъ послѣдніе. Стих. <i>К. М. Фофанова</i> .	157	<i>Х тома Свода Законовъ</i> .— <i>Помогъ</i>	
Исключенный. Разсказъ <i>И. М. Невъ-</i>		<i>ли онъ интеллигенціи; поможетъ</i>	
<i>жина</i> . (Окончаніе).	1	<i>ли крестьянамъ</i> .— <i>Законъ и люди</i> .—	
Крѣпкая башка. Разсказъ <i>В. И. Прже-</i>		<i>Еще объ оздоровленіи деревни и кни-</i>	
<i>валинскаго</i> .	409	<i>тъ г. Ганзена</i> .— <i>Отзывы объ этой</i>	
Лебедь. Стих. <i>А. М. Федорова</i> .	631	<i>книгъ</i> .— <i>Значитъ ли спасти поло-</i>	
Ленерле и ея милый. Разсказъ <i>Г. Кор-</i>		<i>вину крестьянскихъ отъей отъ</i>	
<i>беднара</i> .	511	<i>смерти—содѣйствовать оздоровле-</i>	
Молитва. Стих. <i>Л. Семенова</i> .	721	<i>нію деревни</i> .— <i>Увлеченіе интелли-</i>	
«Облакомъ забвенья...» Стих. <i>Б. Ни-</i>		<i>генціи теоретическими принципа-</i>	
<i>конова</i> .	355	<i>ми</i> .— <i>Наши Катоны, Цицероны</i>	
«Остаться одному—мнѣ страшно за се-		<i>и Демосокны</i> .— <i>О г. Струве и Полъ-</i>	
бя». Стих. <i>А. В. Круилова</i> .	215	<i>Люи Курье</i> .— <i>Кѣмъ былъ Курье и</i>	
По Карелии. Очеркъ <i>И. В. Оленева</i> .	255, 431, 635	<i>что о немъ пишетъ г. Струве въ</i>	
Пустынное дѣло. Антрактъ между дѣй-		<i>своей книгѣ: «На разныя темы»</i> .—	
ствіями <i>Вл. О. Трахтенберга</i> .	617	<i>Наши знаменитости</i> .	159
«Пятна луннаго свѣта скользятъ по		<i>Русская живопись XIX в.</i> — <i>Кни-</i>	
землѣ...» Стих. <i>Л. Афанасьева</i> .	509	<i>га г. А. Бенуа</i> .— <i>Чѣмъ отличает-</i>	
Рабъ. Стих. <i>Л. Семенова</i> .	719	<i>ся современная русская живопись</i>	
Родныя души. Повѣсть <i>С. Т. Семенова</i> .		<i>отъ прежней</i> .— <i>Свободное и несво-</i>	
(Окончаніе).	37, 217	<i>бодное искусство</i> .— <i>Академическое</i>	
Свадьба. Разсказъ <i>Г. Омтеды</i> .	125	<i>направленіе, передвижники и новая</i>	
Сестра Марія. Разсказъ <i>К. Шюлера</i> .	319	<i>школа</i> .— <i>Можно ли признать такъ-</i>	
Странникъ и ангель. Стих. <i>К. Фофа-</i>		<i>называемыхъ декадентовъ предста-</i>	
<i>нова</i> .	407	<i>вителями свободнаго искусства</i> .—	
Сыщикъ. Разсказъ <i>В. А. Тихонова</i> .	193	<i>О тенденціозномъ искусствѣ</i> .—	
Телавографъ и его прототипъ. Очеркъ		<i>Краски, форма и идейность</i> .—	
<i>В. А. Фрей</i> .	653	<i>О грубости и неумѣлости совре-</i>	
Тронутые. Разсказъ <i>С. Елеонскаго</i> .	577	<i>менныхъ русскихъ художниковъ</i> .—	
«Ты люби меня такъ, чтобъ не смѣла		<i>Пушкинъ, Венеціановъ и Брюловъ,</i>	
душа...» Стих. <i>Мих. Гербановскаго</i> .	295	<i>Гоголь и Федотовъ</i> .— <i>Жалоба на</i>	
«Уже ихъ нѣтъ въ живыхъ—чьи строки		<i>отсутствіе идеаловъ въ живописи</i>	
я читаю...» Стих. <i>А. Круилова</i> .	473	<i>и литературѣ</i> . Чѣмъ занимается	

современная русская живопись.—
Объ индивидуализмъ въ искусствѣ. 355
 Смерть крупнаго таланта.—
 Нравственная сторона дѣятельности Эмиля Зола.—**О натурализмъ и реализмъ.**—Жизненная правда и писательскіе эффекты.—**Зола и Достоевскій.**—Теорія наследственности.—**Политика въ романахъ Зола.**—**Руины-Миккыри.**—Писатель и общественныя влѣянія.—**Зола и г. Сенкевичъ.**—Почему интересъ къ современнымъ иностраннымъ писателямъ ослабъ въ Россіи. 531
 Книга г. Новикова.—**Безплодность спора о несовершенствѣ женской природы.**—**Политическія права и экономическая независимость женщины.**—**Мнѣніе моеи корреспондентки.**—**Статья г-жи Цибриковой.**—**Четыре типа женщины.**—**Светскія и полковая дама.**—**Какъ слѣдуетъ воспитывать женщинъ.**—**Наши гимназій и университетъ.**—**Чел. въ кѣ и профессіи.**—**О челоуѣкѣ и антропоморфной обелъ нѣ.**—**Непоследовательность г. Новикова.**—**Общій выводъ.** 721
Библиографія. 171, 365, 541, 733
 Абаза, К. К. Завоеваніе Туркестана.—Альбомъ снимковъ встрѣчи и чествованія президента французской республики Эмиля Лубе и его свиты въ 1902 г.—Андреевскій, С. А. Литературные очерки.—Арсеньева, С. Д. Разказы изъ русской исторіи.—Безычнскій, А. Путеводитель по Крыму.—Бертенсонъ, Лэв. Лѣчебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и за границей. Путеводитель по лѣчебнымъ мѣстностямъ.—Бибреггъ. Походъ Суворова черезъ Швейцарію. Военныя событія въ Китаѣ. Въ помощь развѣдчикамъ.—Вибліотека попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ.—Буы снѣгъ, Д. Уставъ строительный.—Врещагинъ, Александръ. По Манчжуріи (1900—1902).—Верещагинъ, А. На войнѣ.—Гессело скій, Юріи. Друзья и защитники животныхъ въ современной франц. беллетристикѣ.—Вегксъ, гр. Мельхіръ де. Максимъ Горькій; Антонъ Чеховъ.—Волкова, М. Бесѣды о здоровьи женщины.—Гаакъ. Животный міръ, его бытѣ и среда.—Гарбель, Агольфъ. Русскій глаголь.—Гусевъ, С. С. (Слово-Глаголь). Наши общественныя дѣла и бездѣлье.—Доброе дѣло князей Голицыныхъ. Сто лѣтъ Голицынской больницы въ Москвѣ.—Еврейскій ежегодникъ на 5863-й годъ (1903 г.)—Зайцевъ, А. М., проф. Озеро Шира и его окрестности.—Кайгородскъ, Дм. Изъ родной природы.—Кобельтъ, В, д-ръ. Географическое распредѣленіе животныхъ въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ сѣвернаго полушарія.—Комарскій, Ф. С. Семейный университетъ.—Компано, М., д-ръ. Опытъ военной психологіи.—Луницъ, В. Л., д-ръ. Пища и болѣзни желудка.—Маркевичъ, Арсеній.

Крымъ въ русской поэзіи.—Митропольскій, И. И. Пестрая странница.—Михальсонъ, М. И. Русская мысль и рѣчь.—Моргульскъ, М. Г. Вопросы еврейской жизни.—Москвичъ, Г. Волга. Иллюстрированный практическій путеводитель по Волгѣ.—Невѣжинъ, П. М. Озобленные.—Нелюбовъ, Д. Природа растений.—Обзоръ дѣятельности правительства на пользу кустарной промышленности.—Обзоръ кустарныхъ промысловъ въ Россіи.—„Общеобразовательная бібліотека“.—Отчеты совѣта литер.-худ. кружка имени Я. П. Полонскаго за 1901—1902 г.—Православная богословская энциклопедія.—Пружанскій, К. Разказы.—Реформатскій, А. Неорганическая химія (начальный курсъ).—Россія. Полное географическое описание нашего отечества. Подъ общ. руков. П. П. Семенова и В. И. Ламаискаго.—Семейный университетъ Ф. С. Комарскаго.—Справочная книга для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія на 1902 годъ. Календарь для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія на 1902 годъ.—Степановъ, А. Д., д-ръ. О духахъ высокаго давления.—Съверцевъ, Г. Т. „Трошка“.—Сыршевскій, Вацлавъ. Полное собраніе повѣстей и разказовъ.—Фарраръ, Ф. В. Жизнь и труды святыхъ отцовъ и учителей церкви.—Fœdler, Fr. Gedichte von N. A. Nekrassow.—Чешинскій, Всез. Исторія русской оперы.—Шнитцлеръ, А. Поручикъ Густль.—Щепкина-Куперникъ, Т. Л. Письма изъ далека. Около кулисъ.—Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости.—Яновичъ, В. Итоги шестилѣтія.—Ясвчъ-Бородавская, В. И. Сѣктянтство въ кievской губерніи.

Книги, поступившія въ редакцію . . . 171, 365, 541, 733

Смѣсь:

Арабскія лошади	746
Вѣсы для колдуновъ въ городѣ Удватерѣ	744
Два камеръ-юнкера	739
Законы рождаемости	553
Заразительность различныхъ человѣческихъ расъ	177
Наркозъ животныхъ	742
Первая фуксія	175
Происхожденіе каменнаго угля	551
Своеобразная экспедиція на сѣверный полюсъ	372
Слѣпцы-массажисты	547
Смерть принца Наполеона въ южной Африкѣ	743
Тигръ на аренѣ	369

Музыка и пѣніе:

Вальсъ III. Перена	555
Маршъ лилипутовъ Ж. Оврѣ	179
Танецъ Анитры Грима	747

Шахматы, подѣ редакціей М. И. Ч.
 183, 375, 565, 755

Шашки, подѣ редакціей В. И. Шогина. 187, 380, 571, 757

Задачи, загадки и ребусы, подѣ редакціей Н. В. Панкова. 190, 383, 573, 759

СЫЩИКЪ.

Разсказъ В. А. Тихонова.

I.

— Ну, такъ что-жь? Ну, увлекается! Ну, и пусть себѣ увлекается! Хуже было бы, если бы въ его возрастъ, да онъ ничѣмъ не увлекался,—говорилъ сѣдой, какъ лунь, но бодрый и свѣжій еще отставной генераль, Левъ Сергѣевичъ Буртасовъ, сидя на верандѣ своего деревенскаго дома и покуривая послѣобѣденную сигару.

— Да, но тутъ именно вопросъ въ томъ: чѣмъ увлекаться? — сдержанно возражалъ ему Александръ Львовичъ, его сынъ, очень корректный господинъ, лѣтъ сорока, одѣтый въ новенькій лѣтній костюмъ.

— Увлеченіе увлеченію — рознь, — какъ эхо своего мужа, отозвалась полная и еще красивая жена его, Лидія Николаевна.

— Совершенно вѣрно-съ! Совершенно вѣрно-съ! — началъ опять генераль. — Я и мои сверстники, въ его возрастъ, увлекались «казаками и разбойниками»; ваше поколѣніе — героями Майнъ-Рида и Фенимора Купера, а сынъ вашъ...

— Я никогда не увлекался «краснокожими братьями» и даже въ играхъ не любилъ снимать скальпы, — улыбаясь, проговорилъ Александръ Львовичъ, кладя докуренную папиросу въ стоявшую возлѣ него пепельницу.

— Что-жь, очень жаль! — буркнулъ генераль и хлопнулъ три раза въ ладоши. — Принеси еще чашку кофе! — приказалъ онъ высочившему изъ дома на этотъ сигналъ мальчику въ ливрейной курткѣ. — Что-жь? Одно только могу сказать, — очень жаль, — заговорилъ онъ опять: — что ты никогда ничѣмъ не увлекался. Увлеченіе такъ же свойственно молодости, какъ не свойственно оно старости. Но мы говоримъ не о тебѣ, и я повторяю: пусть Левушка увлекается! Не бойтесь этого, это хорошій признакъ.

— Но я опять скажу, увлеченіе увлеченію — рознь, — повторилъ уже слова жены Александръ Львовичъ.

— Ахъ, чортъ возьми! — уже разсердился старикъ. — Да что же постыднаго въ его увлеченіяхъ? Вотъ, моимъ героемъ былъ Ринальдо-Ринальдини, а героемъ Ивана Михайловича еще того хуже — свирѣпый Шиндерганнесъ. Ну, и что же? Это не помѣшало мнѣ честно сослужить мою службу царю и отечеству, а Ивану Михайловичу сдѣлаться не только однимъ изъ самыхъ блестящихъ генераловъ, но и видныхъ администраторовъ. И чѣмъ же его герой хуже... какъ его тамъ зовутъ?

— Шерлокъ Холмсъ! — подсказала Лидія Николаевна.

— Ну, да, такъ вотъ этотъ Шер-

локъ Холмсъ, ну чѣмъ же онъ хуже Шиндерганнеса?

— Detective, — вздохнула Лидія Николаевна.

— Сыщикъ, — въ тонъ ей проговорилъ ея мужъ.

— Ахъ, все это слова, слова и слова! Ну, что такое detective, сыщикъ? А твой фениморовскій «Слѣдопытъ?» Развѣ не такой же сыщикъ? — горячился генераль, обращаясь къ сыну и совершенно забывая, что тотъ только-что отрекся отъ всѣхъ куперовскихъ героевъ. — Я вотъ прочиталъ этотъ романъ, который вы отобрали у Левушки, какъ онъ тамъ... чортъ его... называется? «Собака» какая-то. Ну, и что-жъ, ну, и нашель, что этотъ Шерлокъ Холмсъ прямо-таки молодчина! Умный, ловкій! Да этого мало! Еще и храбрый къ тому же.

— Да, въ современной Англии detective является героемъ! — вставилъ Александръ Львовичъ.

— Что-жъ такого? Разъ разрушители порядка могутъ быть героями, то почему же охранителей его не считать таковыми же.

— Сыщикъ и герой — какъ-то плохо вяжется одно съ другимъ, — съ презрительной гримасой проговорилъ Александръ Львовичъ.

— Ахъ, господа либералы! Господа либералы! Какіе же вы всѣ, однако, консерваторы! — буркнулъ старикъ и сердито принялся размѣшивать сахаръ въ поданной ему чашкѣ кофе. — Для васъ ярлычокъ, кличка — это все! Надѣли вамъ на глаза шоры, и не смѣй смотрѣть ни направо, ни налево! И какъ мало кличекъ-то у васъ, какъ мало ярлычковъ! Удивительно это облегчаетъ дѣло! Да, но и суживаетъ мысль! Не забывайте вы этого, пожалуйста! Суживаетъ мысль! А мысль должна быть свободна! Вотъ что-съ!

— Кто же съ этимъ спорить? — усмѣхнулся сынъ.

«Ты споришь», хотѣлъ-было сказать старикъ, но махнулъ рукой и замолчалъ.

— Видѣть въ ребенкѣ развивающуюся страсть къ раскрытію тайнъ — крайне несимпатично! — медленно заговорила Лидія Николаевна.

Но генераль не далъ ей договорить.

— Пытливый умъ! Пытливый умъ — вотъ и все-съ! — почти закричалъ онъ. — Что такое раскрытіе тайнъ? Всѣ мы должны стремиться къ раскрытію тайнъ природы, тайнъ непостижимаго, тайнъ невѣдомаго, тайнъ просто даже незнакомаго намъ. Это только свидѣтельствуемъ, что у мальчика пытливый умъ — вотъ и все!

— Ну, съ этимъ пытливымъ умомъ можно далеко дойти! — усмѣхаясь, замѣтилъ Александръ Львовичъ.

Генераль сердито взглянулъ въ его сторону и опять замолчалъ.

Наступила довольно томительная и долгая пауза, какъ это часто бываетъ у собесѣдниковъ, не понимающихъ другъ друга; а они, т. е. старикъ генераль и его сынъ, видный петербургскій чиновникъ, вмѣстѣ съ его женой, видимо, совсѣмъ не понимали другъ друга. Старикъ чувствовалъ, что онъ горячится, и, желая перевести разговоръ на другую тему, навелъ ее опять на тотъ же вопросъ.

— Я не понимаю, — заговорилъ онъ, поглядывая на старый, тѣнистый садъ, развертывавшійся сейчасъ же передъ верандой. — Не понимаю, зачѣмъ вы отказали этому англичанину? Онъ мнѣ очень нравился. Бравый малый!

— Съ этимъ я не спору, — сказалъ Александръ Львовичъ: — но, во-первыхъ, мы ему не отказывали, а онъ самъ пожелалъ вернуться въ Лондонъ...

— Прибавили бы жалованья, такъ остался бы! — буркнулъ генераль.

— А во-вторыхъ, — продолжалъ Александръ Львовичъ, пропуская замѣчаніе отца мимо ушей: — онъ былъ не-

достаточно образованъ для своей роли. Левушка растеть, и ему нуженъ болѣе интеллигентный собесѣдникъ.

— Не знаю, можетъ-быть, можетъ-быть! Знаю только, что прошлымъ лѣтомъ, когда вы гостили у меня, я былъ имъ очень доволенъ. Онъ выучилъ Леву ѣздить верхомъ, отлично плавать, былъ съ нимъ постоянно на воздухѣ, и ребенокъ замѣчательно окрѣпъ и развился за прошлое лѣто. А нынче вы моего внука опять мнѣ привезли какимъ-то заморышемъ.

— Да, мистеръ Футвой очень хорошо вліялъ на физическое развитіе Левы, но духовное...—начала-было Лидія Николаевна.

Но на этотъ разъ уже мужъ перебилъ ее.

— Теперь мы взяли ему русскаго молодого человѣка, и я не думаю, чтобы поступили опрометчиво, — заговорилъ онъ: — конечно, русскій лучше откроетъ ему и сущность русской жизни, и сердце русскаго народа. А его теперешній наставникъ, Хоботовъ, самъ вышелъ изъ этого народа, и бесѣды его, конечно, для Левушки будутъ полезнѣе, чѣмъ чтеніе романовъ Конанъ-Дойля.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! — какъ бы сдавался генераль, и, допивъ вторую чашку кофе, онъ всталъ и, сказавъ: «ну, теперь я пройдусь!» — сталъ спускаться съ веранды въ садъ бодрой походкой хорошо сохранившася старика.

II.

— Дѣ-ѣ-дѣ! — крикнулъ ему звонкій дѣтскій голосокъ изъ глубины густой аллеи.

Глаза стараго генерала заиграли ласковой улыбкой.

— Лева-а! — откликнулся онъ въ топъ бѣжавшему къ нему навстрѣчу худенькому мальчику лѣтъ двѣнадцати, и сейчасъ же запѣлъ:

«Uncle Bill how do you do?»

— I am very well and how are you? — пропѣлъ ему въ отвѣтъ Лева и, подбѣжавъ къ дѣду, схватилъ его за руку.

Пѣсенку эту и старика, и внука его выучилъ пѣть еще въ прошломъ году англичанинъ Футвой, и оба они, сколько бы разъ на дню ни встрѣчались, привѣтствовали неизмѣнно другъ друга этими словами.

— Ну, что, играешь? — спросилъ генераль.

— Играю, — весело отозвался мальчикъ.

— Въ «Слѣдопыта»?

— Нѣтъ, — какъ-то загадочно улыбнулся Лева и, въ тактъ шагу раскачивая руку дѣду, пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Ну, а во что же? — спросилъ тотъ.

— Это только тебѣ на ухо, — шепнулъ мальчикъ и поднялся на цыпочки.

— Да не надо! Я и такъ знаю.

— А ну?

— Въ Шерлока Холмса.

Мальчикъ расхохотался.

— Ты замѣчательный угадчикъ, дѣдъ! Изъ тебя бы вышелъ прекрасный...

— Detective? — договорилъ за него генераль.

— Yes, — подтвердилъ Лева.

Они въ это время проходили мимо скамейки, на которой съ книгой въ рукахъ сидѣлъ молодой человѣкъ, одѣтый въ простенькую лѣтнюю парочку. Онъ мелькомъ взглянулъ на нихъ и опять углубился въ чтеніе.

— Каковъ? — спросилъ генераль внука, когда они отошли настолько отъ молодого человѣка, что онъ не могъ бы ихъ слышать.

— Онъ хороший, — серьезно заговорилъ двѣнадцатилѣтній Левушка. — Знаешь, дѣдъ, онъ очень честный и серьезный.

— А тебѣ съ нимъ не скучно?
 — Нѣтъ,—отвѣтилъ, подумавъ немного, мальчикъ.
 — Ну, а съ Футвоємъ веселѣе было?
 — Ну! Футвой! Футвой былъ молодецъ! Онъ былъ такой же маленькій, какъ я.
 — Какъ, такой же маленькій? — остановилъ его дѣдъ.—Онъ былъ ростомъ выше меня!
 — Ростомъ-то онъ былъ длинный! Но, понимаешь, онъ былъ шалунъ! И когда онъ игралъ со мной, то, понимаешь, игралъ совершенно такъ же серьезно, какъ и я.
 — А этотъ не играетъ?
 — О, нѣтъ! Павелъ Федоровичъ умный! Да, вѣдь, и мнѣ уже пора переставать играть, потому что...
 Но мальчикъ вдругъ оборвался и шопотомъ сказавъ: «Стой!»—присѣлъ на корточки.
 — Ты что это?—спросилъ его дѣдъ, тоже нагибаясь надъ чѣмъ-то, что разсматривалъ Левушка.
 — Ты видишь это?—спросилъ мальчикъ.
 — Вижу.
 — Что это такое?
 — Это? Это, кажется, кусокъ навозу.
 — Вѣрно,—подтвердилъ Левушка и, глядя снизу на дѣда, спросилъ:—ну, и что же изъ этого слѣдуетъ?
 — Не знаю, — пресерьезно отвѣтилъ тотъ.
 — А видишь ли, изъ этого слѣдуетъ, что по саду проходилъ кто-то со скотнаго двора и занесъ сюда на каблукъ кусокъ навозу.
 — Почему-жъ на каблукъ, а не на чемъ-нибудь другомъ?
 — Потому что на этомъ кусочкѣ навоза есть отпечатокъ каблука, — объяснялъ Левушка.
 — Вѣрно,—подтвердилъ дѣдъ и потомъ, какъ бы сообразивъ что-то, спросилъ:—а почему ты думаешь, что со

скотнаго двора? А можетъ-быть, это кто-нибудь изъ деревни былъ?

— Нѣтъ, это былъ со скотнаго двора,—настаивалъ Левушка:—потому что деревня отсюда далеко, и навозъ долженъ бы былъ совершенно просохнуть, а онъ совсѣмъ свѣжій! А скотный дворъ въ двухъ шагахъ отсюда.

— Ну, и что же изъ этого слѣдуетъ?—въ свою очередь спросилъ генераль.

— А изъ этого слѣдуетъ, что его нужно искать въ числѣ лицъ, бывшихъ приблизительно въ это время на скотномъ дворѣ.

— Кого «его»?—спросилъ генераль.

— Ахъ, Боже мой! Ну, конечно, того, кто совершилъ преступленіе,—нетерпѣливо уже отвѣтилъ Левушка.

— А развѣ кто-нибудь уже совершилъ преступленіе?

— Ну, конечно, нѣтъ! Но я тебѣ говорю такъ, на всякій случай! Какъ нужно искать, — заключилъ Лева и, поднявшись на ноги, зашагалъ опять рядомъ съ дѣдомъ, размахивая въ тактъ его рукой.

А старикъ думалъ:

«Пытливый умъ и большая наблюдательность! Теперь вотъ онъ ихъ развиваетъ на вздоръ, на пустякахъ, а впоследствии — кто знаетъ — какъ это ему пригодится!»

— Послушай, дѣдъ! — заговорилъ мальчикъ послѣ небольшого молчанія:—скажи, развѣ это предосудительно быть Шерлокомъ Холмсомъ?

— Что за вздоръ! Конечно, нѣтъ! — увѣренно отвѣтилъ генераль.—Но будь Шерлоковъ Холмсовъ, сколько бы преступленій осталось нераскрытыхъ. И эти люди—они стражи общественнаго порядка.

— А вѣдь это необходимо, чтобы всѣ преступленія были открыты? — продолжалъ допытываться Левушка.

— Конечно, это очень желательно.

— Ну, а почему же и папа, и

мама, и вотъ Павелъ Федоровичъ—всѣ такъ нехорошо говорятъ о сыщикахъ?

«Потому что они ничего не понимаютъ»,—хотѣлъ сказать старикъ, но не сказалъ, а оставилъ этотъ вопросъ Левы безъ отвѣта.

— Ну, вотъ, напримѣръ, кто-нибудь кого-нибудь убилъ, и я найду преступника, открою его. Вѣдь это хорошо?

— Хорошо,—подтвердилъ генераль.

— Вѣдь онъ долженъ же понести свое наказаніе.

— Долженъ.

— Ну, вотъ! А папа, мама, и Павелъ Федоровичъ—всѣ говорятъ, что это не мое дѣло. Почему не мое? Чье же это дѣло? Вѣдь вонъ Шерлокъ Холмсъ открылъ «Собаку Баскервильей» и поймалъ преступника. И что же, нужно за это его презирать? Ты знаешь, дѣдъ, это я тебѣ говорю изъ англійскаго романа. Можетъ-быть, этого совсѣмъ не было, но если-бъ это было, вотъ совершенно такъ же, какъ это написано? Развѣ detective Шерлокъ Холмсъ поступилъ нехорошо?

— Какой вздоръ, конечно, хорошо!—сказалъ генераль, чувствуя почему-то, что ему самому на этотъ разъ не хочется продолжать этотъ разговоръ.

И онъ, чтобы замаять его, сказалъ:

— Ну, а на почту, Лева, сегодня поѣдешь?

— Да, да! Непремѣнно. Мы съ Павломъ Федоровичемъ верхомъ поѣдемъ.

— Ну, и великолѣпно! Я тебѣ письмо дамъ, которое ты сдашь въ конторѣ. И я думаю, что вамъ скоро нужно ѣхать.

И они повернули назадъ.

III.

Отъ усадьбы Буртасова до уѣзднаго городка было всего двѣ съ половиной версты, и Лева со своимъ учителемъ

каждый день около шести часовъ вечера ѣздили туда верхомъ на почту. Первыхъ полторы версты нужно было проѣхать густымъ Буртасовскимъ лѣсомъ, а послѣднюю версту дорога шла городскимъ выгономъ и огородами.

Лева ѣхалъ на хорошенькомъ аренсбургскомъ клепперѣ. Онъ ловко сидѣлъ въ сѣдлѣ, увѣренно держалъ поводья, и его рыжій конекъ граціозно переставлялъ свои стройныя ноги.

Учитель Левы, Павелъ Федоровичъ Хоботовъ, грузно сидѣлъ на буромъ, толстогривомъ приземистомъ иноходцѣ.

Проѣхавъ первую версту отъ усадьбы полной рысью, они перемѣнили аллюръ и пустили лошадей шагомъ. Хоботовъ снялъ фуражку и вытиралъ выступившій у него на лбу потъ. А Левушка ѣхалъ, какъ всегда, зорко осматриваясь по сторонамъ.

Въ лѣсу было тихо, только меланхолическая трель иволги переливалась гдѣ-то въ глубинѣ.

— А дѣдъ сказалъ, что это хорошо!—какъ бы отвѣчая на свои мысли, вдругъ заговорилъ Лева.

— Это вы насчетъ чего?—спросилъ Хоботовъ своимъ молодымъ, хрипловатымъ баскомъ.

— Я про Шерлока Холмса,—пояснилъ Лева.

— А! Все про то же самое! Да кто жъ вамъ говорить, что это худо? Хорошій сыщикъ такая же необходимая единица въ общемъ порядкѣ управленія, какъ и хорошій прокуроръ, только это не почтенно.

— Какъ, и прокуроромъ быть непочтенно?—удивился Лева.

— Нѣтъ, я не про прокурора, я про сыщика. Прокуроръ—это совсѣмъ особъ статья,—поправился учитель.

— Да, почему же сыщикомъ быть непочтенно?

— А потому, что сыщикъ... сыщикъ...—подбирая слова и съ видимой неохотой говорилъ Хоботовъ:—

сыщикъ дѣйствуетъ не открытыми средствами, а исподтишка, самъ ничѣмъ не рискуя...

— Ну, ужъ извините!—горячо перебилъ его Лева. — Шерлокъ Холмсъ всегда рисковалъ своей жизнью и ничего не боялся — ни опасности, ни смерти! И я не знаю, почему онъ не почтенный. Да кромѣ того, дѣдъ сказалъ, что это хорошо, а если онъ сказалъ, такъ это вѣрно, потому что дѣдъ самый умный человѣкъ на свѣтѣ.

Учитель сдержанно улыбнулся, но ничего не возразилъ.

И они опять поѣхали молча. Левушка думалъ про себя:

«Если гдѣ-нибудь свершится преступленіе, я непременно его буду открывать: подберу всѣ клочки бумажекъ, измѣрю всѣ слѣды, ничего не упущу, и ужъ открою! Непременно открою!»

И онъ отъ души желалъ, чтобы поскорѣй совершилось преступленіе.

Они выѣхали въ это время на опушку лѣса, и весь маленькій уѣздный городокъ, со своими тремя церквами, былъ передъ ними, какъ на ладонкѣ.

— Ну! Рысю? — спросилъ Лева, взглядывая на своего учителя.

— Пожалуй! — отвѣтилъ тотъ и чмокнулъ губами.

И восемь лошадиныхъ копытъ дробно застучали по твердой и пыльной дорогѣ. Иноходецъ учителя шелъ своей характерной перевалкой; Левушкинъ клепперъ, котораго онъ мысленно не называлъ иначе, какъ «Шерлокъ Холмсъ», красиво выбрасывалъ свои ноги, забирая все впередъ и впередъ.

Солнце уже склонялось къ западу, но было еще жарко, и воздухъ стоялъ неподвижно.

Вотъ начались и заборы огородовъ и глубокія канавы, прорытыя возлѣ нихъ.

Левушка посматривалъ вокругъ себя. Одна канавка, прорывъ ямку подъ заборомъ, уходила въ глубь огородовъ.

И на нее взглянулъ Левушка и подумалъ, что этимъ ходомъ человѣкъ можетъ проползти совершенно незамѣченнымъ.

Но вотъ они переѣхали маленькій мостикъ надъ высохшимъ ручейкомъ и въѣхали въ городокъ. Миновали соборную площадь и, сдѣлавъ два-три поворота, остановились у крыльца почтовой конторы.

Какой-то мужикъ подошелъ къ нимъ и вызвался подержать лошадей. Лева и Хоботовъ, соскочивъ съ сѣделъ и размяная ноги, пошли по ступенькамъ шаткаго деревяннаго крылечка. Почтовый чиновникъ, въ суровомъ, поношенномъ кителѣ, при входѣ ихъ въ контору, почтительно привсталъ и поклонился.

— Его превосходительству два письма, — заговорилъ онъ, направляясь къ полкѣ. — И вашему папашѣ тоже-съ! И газеты-съ. А отъ васъ что-нибудь будетъ?

— Да, вотъ письмо отъ дѣдушки, — сказалъ Лева, подавая письмо.

— З.казное, — прочиталъ чиновникъ и, доставъ книгу, сталъ выписывать квитанцію.

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась, и человѣкъ, въ мундирѣ почтальона, воѣжалъ въ контору и, не обращая вниманія на постороннихъ посѣтителей, почти закричалъ, обращаясь къ чиновнику:

— Иванъ Никифоровичъ! Вѣдь убеги! Право-слово, убеги!

— Тиге ты! — прикрикнулъ на него чиновникъ и потомъ спросилъ: — кто убеги?

— Да каторжникъ-то убеги! Право-слово, убеги! Бѣглый-то! — уже понижая голосъ, но при этомъ какъ-то оживленно улыбаясь, говорилъ почтальонъ.

— Да, ну? — удивился чиновникъ и даже пріостановился писать.

— Покарай Богъ, убеги! Вотъ, сей-

часъ только! Ухъ, кутерьма тамъ теперь пошла! Ловить бросились! Страсть!

— Это кто убѣжалъ?—спросилъ Хоботовъ чиновника.

— Да одинъ бѣглый каторжникъ. Вчера только его къ намъ доставили, а сегодня должны были уже препровождать дальше, а онъ вотъ взялъ, да и того... Тюрьма-то у насъ, дѣйствительно, того, рухлядь! — добавилъ онъ и длинными ножницами аккуратно вырѣзалъ изъ книги квитанцію.

Лева стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Краска ярко выступила на его обыкновенно блѣдномъ, худенькомъ личикѣ, глазенки сверкали.

«Я его поймаю! Я его поймаю!» — замелькало у него въ головѣ, и онъ вдругъ началъ теревить за рукавъ своего учителя.

— Пойдемте, пойдемте, пойдемте скорѣй! — нервно шепталъ онъ при этомъ, и слезы нетерпѣнія готовы были брызнуть у него при видѣ тѣхъ медленныхъ, какъ казалось ему, движений, съ которыми учитель укладывалъ газеты и письма въ висѣвшую у него черезъ плечо сафьяновую сумку.

Но Хоботовъ и самъ торопился, и руки у него тоже почему-то дрожали.

Простившись съ чиновникомъ, они быстро вышли на крыльцо. Мужика, взявшагося поддержать ихъ лошадей, и слѣдъ простылъ, но кони ихъ стояли тутъ же, видимо наскоро привязанные къ забору.

Черезъ минуту они уже быстрой рысью ѣхали по базарной площади.

Народъ бѣжалъ къ выѣзду изъ города. Бѣжали бабы, что-то кричавшія на ходу; бѣжали молодые парни, съ какими-то странно горѣвшими глазами; бѣжали, сверкая босыми пятками, ребяташки, и даже степенные люди, и тѣ трусили мелкой рысцой все въ томъ же направленіи.

Какой-то франтъ писарского обличя, въ красномъ галстукѣ и въ сдвиг-

нутой на самый затылокъ бѣлой фуражкѣ, неся, почти не уступая ходу ихъ лошадей. Лицо его было сердито, глаза куда-то жадно смотрѣли впередъ. Люди бѣжали, что-то кричали и перекликивались между собой, а между ними, съ веселымъ лаемъ, вертѣлись неугомонныя дворовыя собачонки. Стадо гусей, перепуганное этимъ всеобщимъ стремленіемъ, широко раскрывъ крылья и пронзительно гогоча, удирало въ какой-то переулочекъ.

Но вотъ и конецъ города, вотъ и выгонъ справа, а слѣва огороды.

— Куда побѣжалъ-то? — приостанавливая лошадь, спросилъ Хоботовъ какого-то старика.

— Вонъ, вонъ, туда! Къ рѣчкѣ! Къ лозничку-то, значить! — зашамкалъ старикъ. — Вонъ гдѣ солдатики-то бѣгутъ!

И онъ указалъ рукой на мелькавшія вдали бѣлыя солдатскія рубашки.

— Чего врешь-то? — вмѣшалась подбѣжавшая къ нимъ женщина. — Къ лѣсу онъ ударился! Мой Васька самъ видѣлъ! Прямо къ лѣсу!

— Твой Васька? — разсердился старикъ. — А Матрена-то куда говорила? Небось, къ рѣчкѣ! Онъ ее, небось, чуть съ ногъ не сшибъ! Дура!

— Самъ старый дуракъ! — огрызнулась баба и вперевалку побѣжала туда, гдѣ бѣлѣли солдатскія рубашки.

Левушка, едва сдерживая своего «Шерлока Холмса» и самъ дрожа всѣмъ тѣломъ, внимательно и сосредоточенно выслушивалъ всѣ эти «показанія». Не безъ удивленія посматривалъ онъ и на своего учителя. И его лицо, обыкновенно серьезное, даже скучное, было на этотъ разъ какъ-то странно возбуждено, и по голосу его было замѣтно, что и онъ былъ чѣмъ-то взволнованъ и, что называется, не въ себѣ.

— Надо къ рѣчкѣ! — вдругъ сказалъ онъ Левушкѣ и сразу въ карьеръ пустилъ своего ипоходца, забирая вправо

отъ дороги, туда, гдѣ мелькали бѣлыя солдатскія рубашки и куда бѣжалъ и весь остальной народъ.

Левушка поскакалъ за нимъ. Вотъ они перенеслись черезъ высохшій ручеекъ, взлетѣли на пригорокъ, и Хоботовъ повернулъ еще правѣе, къ какой-то толпѣ, бѣжавшей вдали и что-то громко кричавшей.

Но Левушка, вдругъ охваченный какимъ-то вдохновеніемъ, словно подчиняясь какому-то инстинкту, круто повернулъ своего клеппера и поскакалъ почти въ противоположномъ направленіи.

Хоботовъ, бывшій впереди, не видалъ этого поворота и скакалъ одинъ впередъ, къ рѣчкѣ.

А Левушка, приподнявшись на стремянахъ, впиваясь глазами впередъ, неся къ той дорогѣ, по которой они только-что проѣзжали изъ усадьбы въ городъ, неся къ тѣмъ огородамъ, которые граничили слѣва городской выгонъ, къ той канавкѣ, которая обратила его вниманіе. Вотъ, вотъ, близко уже и дорога, вотъ, вотъ и прясло огорода, вотъ и канава параллельно съ ними, вотъ сейчасъ и та канава, которая уходитъ вглубь. Левушка натянулъ поводья, чтобъ сдержатъ своего «Шерлока Холмса», но не успѣлъ, клепперъ перескочилъ канавку и бокомъ уперся въ самый заборъ, даже покачнувъ его.

И Левушка замеръ.

У его ногъ, въ канавѣ, лежалъ страшный, сѣрый человѣкъ. Обнаженная, коротко-стриженная круглая голова его была какъ-то странно повернута. Небольшіе, свѣтло-сѣрые глаза съ ужасомъ смотрѣли на этого мальчика, почти повисшаго надъ нимъ на своей маленькой, рыжей лошаdkѣ.

«Онъ!»—мелькнуло въ головѣ у Левушки, и сердце его мучительно жалось. Ему стало страшно, но онъ не могъ отвести своего взгляда отъ этой

пары узкихъ, сѣрыхъ глазъ, съ ужасомъ и мольбой смотрѣвшихъ на него.

Левушка весь дрожалъ. Онъ не могъ дышать, и вдругъ какое-то непреодолимое чувство жалости охватило всего его. А глаза смотрѣли съ ужасомъ и мольбою.

Левушка опустилъ голову, дернулъ поводъ, и «Шерлокъ Холмсъ», подбравшись, перепрыгнулъ обратно канавку...

Выѣхавъ на дорогу, Левушка осматрѣлся. Вокругъ не было ни души, только далеко-далеко, возлѣ рѣчки, видно было еще, какъ бѣжали люди и кое-гдѣ мелькали бѣлыя солдатскія рубашки.

Левушка повернулъ лошадь къ лѣсу и шагомъ поѣхалъ впередъ, по направленію къ ихъ усадьбѣ, какъ-то весь съезжившись и не оборачиваясь назадъ. Онъ уже подѣзжалъ почти къ самой опушкѣ, когда увидѣлъ всадника, скакавшаго къ нему справа отъ рѣчки. Всмотрѣвшись, онъ узналъ въ немъ своего учителя и въ то же время почувствовалъ какую-то странную боль въ лѣвой колѣнкѣ.

Левушка взглянулъ на ногу: брюки у него съ этой стороны были изорваны, бѣлье—тоже, и на обнажившемся тѣлѣ была небольшая ссадина.

«Это когда я ударился объ заборъ»,—подумалъ Левушка.

На взмыленномъ иноходцѣ подскакалъ къ нему Хоботовъ.

— А я васъ ищу! Куда вы дѣвались?—какъ-то сконфуженно глядя на мальчика, проговорилъ онъ.

— Я упалъ съ сѣдла,—съ трудомъ выговорилъ Левушка.

— Ушиблись?—забезпокоился учитель.

— Нѣтъ. Только брюки изорвалъ и ногу немножко ссадилъ.

Хоботовъ посмотрѣлъ ему на ногу и укоризненно покачалъ головой:

— Вотъ видите, какъ неосторожно!

Вамъ, значить, нельзя еще ѣздить карьеромъ.

Левушка вскинулъ глазами на учителя и хотѣлъ-было ему сказать, что онъ еще никогда не падалъ съ лошади, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сдержался и только закусилъ губку.

И они шагомъ, молча, вѣхали въ тѣсь.

— Ну, что, поймали преступника? — спросилъ Лева черезъ минуту, и голосъ его при этомъ слегка дрогнулъ.

— Не знаю... нѣтъ... не поймали! Не знаю, впрочемъ... я... уѣхалъ... все это вздоръ! — какъ-то заминаясь и конфузясь, проговорилъ Хоботовъ, потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ: — и знаете, лучше всего, если мы не будемъ объ этомъ особенно рассказывать дома.

Лева утвердительно кивнулъ головой.

Вернувшись въ усадьбу, они сейчасъ же прошли въ ихъ комнату, и Лева переодѣлся. Онъ былъ очень молчаливъ и сосредоточенъ, но Хоботовъ какъ-то не замѣчалъ этого.

За вечернимъ чаемъ, впрочемъ, онъ нашель нужнымъ сообщить, что сегодня, когда они были съ Левою въ городъ, тамъ изъ тюрьмы бѣжалъ какой-то арестантъ, и что весь городъ бросился его ловить, но поймали ли бѣглаго, — еще неизвѣстно.

Генералъ посмотрѣлъ на Леву и улыбнулся себѣ въ усы. Но Лева не замѣтилъ этой улыбки: онъ молча и задумчиво пилъ свое молоко.

IV.

Лева плохо спалъ всю эту ночь. Его тревожили сны. Ему казалось, что онъ все время скачетъ на лошади, вдоль какого-то безконечнаго забора, и то и дѣло задѣваетъ объ него ногой, а изъ канавы, которая несется вмѣстѣ съ нимъ, смотрятъ на него глаза, полные мольбы и ужаса. И онъ не боится этихъ глазъ, онъ только не

хочетъ ихъ видѣть, онъ отворачивается отъ нихъ. Но куда бы онъ ни повернулся, глаза, полные мольбы и ужаса, смотрятъ на него. И вдругъ на опушку тѣса выскакиваетъ Шерлокъ Холмсъ. Онъ маленькій, толстый человекъ, съ цилиндромъ на головѣ, съ гладко выбритымъ лицомъ и во фракѣ. Онъ растопыриваетъ руки и загоразживаетъ Левѣ дорогу и въ то же время длинными-длинными руками хватаетъ лежащаго въ канавѣ сѣраго человека за горло и тащитъ къ себѣ его круглую, гладко остриженную голову, на которой два глаза смотрятъ съ мольбой и ужасомъ.

— Пустите его! — кричитъ Лева, стараясь отнять у Шерлока Холмса эту круглую голову.

Но Холмсъ хватаетъ Леву за ногу и ногтями царапаетъ ему колѣнки.

— Лева! Лева! — стонетъ сѣрый человекъ.

— Лева! Лева! — громче раздается въ его ушахъ.

Левушка открываетъ глаза и видитъ приподнявшагося на своей постели Хоботова.

— Лева, повернитесь на бокъ! А то вы спите на спинѣ и поэтому стонете, — говоритъ учитель.

Лева поворачивается на бокъ и сейчасъ же начинаетъ скакать мимо безконечно длиннаго забора, а за нимъ на буромъ иноходцѣ скачетъ его учитель. И только это уже не Павелъ Федоровичъ, а Шерлокъ Холмсъ. Цилиндръ сорвался съ его головы, и вмѣсто фрака у него сѣрый, арестантскій халатъ. Вдругъ лошадь поворачиваетъ къ Левѣ голову и, сердито оскаливъ зубы, хочетъ укусить его.

Лева вскрикиваетъ и просыпается.

Хоботовъ громко похрапываетъ на своей постели.

«Я хочу видѣть глаза», — думаетъ мальчикъ и засыпаетъ, и сейчасъ же

видить глаза. Они смотрят на него, полные мольбы и ужаса.

— Бѣги! бѣги! бѣги! — шепчет кому-то Лева. — Они побѣжали къ рѣчкѣ. И старикъ тамъ!..

— Бѣги, бѣги, бѣги! — тоненькимъ голосомъ отвѣчаетъ ему круглая, коротко остриженная голова.

Лева открываетъ глаза. Свѣтъ утра пробивается сквозь ставни.

«Чили, чили, чили!» — слышитъ Лева, какъ чиликаютъ воробьи за окномъ, на карнизѣ.

«Свѣтаетъ», — думаетъ Лева, засыпая опять, и спитъ уже спокойно.

Но утромъ Лева всталъ такой же задумчивый и сосредоточенный.

— Ты нездоровъ? — спрашиваетъ его мама, когда онъ на верандѣ пьетъ молоко.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчаетъ мальчикъ.

— А бѣлаго-то такъ и не поймали, — сообщаетъ немного спустя Левѣ казачокъ Степа. — Говорятъ, онъ за рѣку ушелъ.

И Левѣ почему-то это извѣстіе пріятно. Онъ весело бѣжитъ черезъ дворъ къ купальнѣ. Но, добѣжавъ до рѣки, онъ опять задумывается. Это та же самая рѣка, что течетъ и въ уѣздномъ городкѣ. Стало-быть, «онъ» ушелъ туда.

И Лева смотритъ на широкую пойму, разстилающуюся по другому берегу рѣчки.

И Левѣ дѣлается страшно: а вдругъ «онъ» придетъ къ нимъ въ усадьбу и всѣхъ, всѣхъ ихъ убьетъ? Онъ сейчасъ же вспоминаетъ маленькіе, сѣрые глаза, смотрѣвшіе на него изъ канавы.

«Нѣтъ, онъ не убьетъ!» — рѣшаетъ почему-то Лева и чувствуетъ, что какая-то непонятная близость существуетъ между нимъ и сѣрымъ чело-вѣкомъ съ круглой, гладко остриженной головой, и никто на свѣтѣ не знаетъ объ этомъ.

— Uncle Bill how do you do? — вдругъ слышитъ онъ за спиной знакомый голосъ.

— I am very well, — начинаетъ было Лева, но, обернувшись и не допѣвъ послѣднихъ словъ, бросается къ дѣду. — Ты гулять? — спрашиваетъ онъ его.

— Гулять, — отвѣчаетъ старикъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ.

И Лева, взявъ за руку дѣда и размахивая ею въ тактъ шага, идетъ рядомъ съ нимъ.

Нѣкоторое время они идутъ молча.

— Ну, что хорошаго? — спрашиваетъ, наконецъ, генераль.

Лева молчитъ.

— Ты сегодня что-то блѣдень, — опять заговариваетъ дѣдъ, вглядываясь въ лицо внука.

— Нѣтъ, ничего, — отвѣчаетъ тотъ и потомъ, послѣ небольшой паузы, начинаетъ: — а вчера изъ тюрьмы убѣжалъ преступникъ.

— Знаю, — отзывается генераль.

— И его еще не поймали.

— И это знаю. А вотъ будь у насъ тутъ этакій, знаешь, Шерлокъ Холмсъ, живо бы сцапали голубчика. Не правда ли, Лева, а?

— Нѣтъ, не надо! — чуть слышно шепталъ Лева.

— Чего не надо?

— Шерлока Холмса не надо.

Дѣдъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на шедшаго рядомъ съ нимъ мальчика.

— То-есть, какъ не надо? — повторилъ онъ.

Но Лева, вмѣсто отвѣта, поплотнѣе прижавшись къ старику, вдругъ проговорилъ:

— Я тебѣ, дѣдъ, долженъ что-то сказать.

— Ну, говори!

И они оба пріостановились.

— Сядемъ, — сказалъ Лева, указывая на скамеечку, стоявшую на берегу рѣки.

Лицо Льва Сергѣевича приняло оза-

боченное выраженіе. Что-то важное почувствовалось ему въ тонѣ ребенка. Онъ сѣлъ на скамейку, а Лева, вставъ передъ нимъ, сбиваясь и путаясь, разгазаль все вчерашнее происшествіе.

Генераль слушалъ его, зорко глядя въ глаза мальчику. Потомъ у старика почему-то задрожала нижняя губа и затряслась рука, лежавшая на плечѣ внука.

— Дѣдь! Скажи мнѣ, какъ я поступилъ: хорошо или худо? — спросилъ Лева, окончивъ свой рассказъ.

Дѣдь сразу ничего не отвѣтилъ. Онъ обнялъ внука, горячо поцѣловаль его и крѣпко прижалъ къ груди. И только послѣ этого уже твердо и увѣренно сказалъ:

— Хорошо!

— Почему же хорошо, дѣдь? Вѣдь, подумай только!.. — началъ было мальчикъ, но старикъ прервалъ его:

— Не знаю, почему хорошо, но хорошо!

Затѣмъ, вставъ со скамейки, зашагалъ дальше. Лева шелъ съ нимъ рядомъ.

Они отошли уже довольно далеко, когда генераль вдругъ, совершенно неожиданно, весело расхохотался.

— Ты что это? — спросилъ Лева, не безъ удивленія поглядывая на дѣда.

— Да вотъ, братъ! Всегда это такъ: практика расходится съ теоріей. Что по теоріи — хорошо; на практикѣ очень часто никуда не годится. И наоборотъ. Такъ-то, братъ!

— Отчего же это, дѣдь?

— Оттого, что теорія есть созданіе ума, а практика сплошь да рядомъ результатъ порывовъ сердца.

— А какъ нужно? — спросилъ мальчикъ.

— Какъ нужно-то? Да какъ тебѣ сказать? И умъ — хорошо, и безъ сердца жить невозможно... А впрочемъ,

слушайся больше сердца. Оно — умнѣе.

— Умнѣе ума?

— Вотъ именно, мой голубчикъ!

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, на верандѣ, между старикомъ генераломъ Буртасовымъ, его сыномъ Александромъ Львовичемъ и невѣсткой Лидіей Николаевной завязался опять вчерашній разговоръ.

Генераль, впрочемъ, на этотъ разъ почти не возражалъ. Онъ только посмѣивался въ свои сѣдые усы.

— Выборъ книгъ для мальчика въ возрастѣ Левы — вещь крайне затруднительная, — говорила Лидія Николаевна, лѣниво обмахиваясь вѣеромъ.

— Да, положительно не знаешь, что и давать ему читать, — въ тонъ жены продолжалъ Александръ Львовичъ. — Въ специально дѣтскихъ журналахъ печатается такая бездарная чепуха, что болѣе или менѣе развитого мальчика можно заставить ихъ читать развѣ изъ-подъ палки. Да и они просто портятъ изящный вкусъ у дѣтей. А съ другой стороны, вотъ этикіе Конанъ-Дойли направляютъ ихъ фантазію въ совершенно нежелательную сторону. Они начинаютъ увлекаться...

— Ну, и пусть увлекаются! — перебилъ его генераль. — Увлеченіе свойственно молодому...

— Однако! — возразилъ сынъ. — Дѣлать себѣ героя изъ сыщика Шерлока Холмса, это...

— Не безпокойтесь за вашего сына! Никакія увлеченія для него неопасны! У него есть славный якорь, который всегда удержитъ его отъ всякихъ нежелательныхъ увлеченій.

— Какой же это якорь? — спросилъ Александръ Львовичъ.

— Честное сердце, — отрѣзалъ старикъ и, надѣвъ фуражку, пошелъ въ садъ, навстрѣчу бѣжавшему къ нему внуку.